

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Институт
мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
член-корр. РАН,
доктор филологических наук
Полонский Вадим Владимирович

«21» февраля 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
о диссертации Григорьевой Марии Валерьевны на тему
«“Серапионовы братья” в эго-документах К.А. Федина: проблема выражения авторского сознания», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Личность и творчество одного из замечательных русских писателей Константина Александровича Федина (1892–1977) в последнее десятилетие раскрылись по-новому благодаря публикациям именно его эго-документов. Прежде всего это касается большого эпистолярного наследия писателя, впервые с такой полнотой введенного в научный оборот и вписанного в политический и литературный контексты эпохи в издании «Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX в» (отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. И.Э. Кабанова. М., 2016 (Кн. 1); 2018 (Кн. 2)). Продолжается издание уникальных документов эпохи – неопубликованных дневников писателя, начатое в 1990-е гг.: подготовлен к печати корпус дневников Федина 1920-х – 1930-х гг. из архива писателя, снабженный примечаниями, уточняющими биографический и историко-литературный контексты времени. Архивные публикации дали возможность с новой точки зрения представить К.А. Федина – писателя и человека, на протяжении более

полувек а находившегося в центре литературной и общественной жизни Советской России.

Актуальность диссертации М.В. Григорьевой «“Серапионовы братья” в эго-документах К.А. Федина: проблема выражения авторского сознания» определяется возросшим за последние два десятилетия научным и читательским интересом к русской литературе и истории советского периода, комплексное изучение которых предполагает, в том числе, использование контекстно-биографического подхода к пониманию явлений общественной и литературной жизни. Этот подход позволяет через призму исследования биографических материалов, в частности эго-документов, активных участников политической, культурной и литературной жизни выявить некоторые общие закономерности в изучаемых исторических и литературных процессах.

Научная новизна диссертационного исследования М.В. Григорьевой обусловлена тем, что оно явилось первой большой аналитической работой, осмысляющей огромный массив архивных документов биографии и творчества писателя, как уже введенных в научный оборот, так и неизвестных, хранящихся в фондах Государственного музея К.А. Федина. Для анализа соискателем отобран определенный материал – это эго-документы, касающиеся литературной группы «Серапионовы братья», значимую роль которой в своей творческой биографии Федин не раз подчеркивал. Дневники, письма и мемуары писателя, рассмотренные М.В. Григорьевой в аспекте выражения авторского сознания, с разных сторон раскрывают его связи с писателями-серапионами, способствуют уточнению реалий литературного процесса 1920–1960-х гг.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном анализе корпуса эго-документов разных жанров: в одной стороны, они позволяют на примере изучения способов и форм выражения авторского сознания показать многогранность личности автора текстов, с другой – дают объективный материал для воссоздания целостной картины общественной и культурной жизни Советской России.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов для дальнейшего изучения литературного процесса XX в., в частности различных аспектов деятельности литературной группы «Серапионовы братья»; вводимые в научный оборот факты, научные выводы и заключения соискателя могут быть использованы в

рамках вузовских курсов истории литературы, а также в разработке научных концепций экспозиционно-выставочной работы литературных музеев.

Обоснованность и достоверность положений, выводов и заключения диссертации обеспечивается комплексом факторов. Во-первых, следует сказать, что архивные разыскания М.В. Григорьевой, проведеншей большую и скрупулезную работу по изучению основного и научно-вспомогательного фондов Государственного музея К.А. Федина, материалов РГАЛИ, периодики исследуемого периода, отличаются полнотой и значимостью отобранного для анализа материала. Во-вторых, отметим методологию исследования разных жанров эго-документов, которая базируется на широком использовании соискателем теоретических работ отечественных и зарубежных специалистов: историков, филологов, лингвистов, культурологов и психологов – по рассматриваемой теме. В-третьих, укажем на логику и доказательность, которую демонстрирует М.В. Григорьева в диссертации, сопоставляя разные типы эго-документов Федина, а также анализируя их в контексте других материалов биографии писателя и истории содружества «Серапионовы братья».

Положения, выносимые на защиту, четко сформулированы, они отражают материалы исследования и представляются убедительными.

Структура и содержание диссертации соответствуют целям и задачам исследования, которые представлены во введении.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, заключения и списка литературы, который содержит 263 наименования.

Во **Введении** указывается актуальность темы и аргументируется научная новизна работы, рассматривается история вопроса, определяются цель и задачи исследования, обосновывается его теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации научных результатов.

Первая глава «Эго-документы как предмет литературоведческого исследования» носит во многом реферативный характер. Здесь рассматривается история термина «эго-документ» и его бытование сначала в европейской, а потом и в российской науке. Приводятся и анализируются работы историков и литературоведов конца XX – начала XXI вв., ставящих вопросы о правомерности и полноте значения термина «эго-документ»; исследуются предложенные альтернативные названия таких документов, где «Я» является одновременно и пишущим и присутствующим в тексте субъектом; описаны дискуссии об определении критериев, в соответствии с

которыми тот или иной текст может быть отнесен к эго-документу. В главе последовательно рассмотрены традиционно выделяемые жанры эго-документов: дневник, эпистолярный, мемуары, – понимание их и трактовка различными исследователями. Особо стоит отметить ту часть главы, которая посвящена отношению К.А. Федина к эго-документам других авторов. М.В. Григорьева, сравнивая восприятие писателя с наблюдениями исследователей эго-документов, видит сходные черты: Федин тоже обращает внимание на степень искренности автора, фактографическую достоверность, презентацию внутреннего «Я» писателей. Соискатель перечисляет изданные эго-документы, упомянутые в дневниковых записях Федина: это дневники Ч. Дарвина, Ф. Стендаля, Р. Роллана, русских писателей XIX–XX веков: А. С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. А. Блока, А. К. Толстого, М. С. Шагинян, М. М. Пришвина, В. В. Вишневского и др., а также письма Л. Н. Толстого, М. О. Гершензона, И. А. Бунина, М. Горького, А. А. Фадеева. В поле пристального рассмотрения Федина дневники Стендаля, Л. Н. Толстого, Одоевского, Блока, где писатель, по утверждению диссертанта, находит отражение своего собственного состояния.

Вторая глава **«“Серапионовы братья” в дневниках К. А. Федина»** посвящена особенностям отражения в дневниковых записях отношения автора к содружеству писателей «Серапионовы братья». Соискатель рассматривает историю написания Фединым дневников, которые он вел с 1913 по 1968 гг., значение и важность дневниковых записей для писателя, историю их публикации. Важно отметить, что М.В. Григорьевой проведено фронтальное изучение дневников писателя разных лет, объем которых в несколько раз больше опубликованного.

Дневниковые записи Федина в этой главе диссертации анализируются с разных точек зрения. Например, из частично сохранившейся фразы на оборванном листке при сопоставлении ее с известными фактами литературной жизни Петрограда (получение Фединым первой премии на конкурсе в Доме литераторов) автор работы восстанавливает время вхождения писателя в группу «Серапионовы братья» – между 24 апреля и 8 мая 1921 г. Анализируя записи дневника, Григорьева делает вывод, что в дневнике ранних лет Федин рассматривает группу как объединение, не акцентируя внимания на отдельных ее участниках. Таковы, в частности, записи о первом и единственном альманахе «Серапионовы братья». В то же

время в ранних записях Федина отделяет себя от серапионов, утверждая, что его путь в литературе будет отдельным и самобытным.

Дневники Федина в полной мере воссоздают историю содружества: в первой половине 1920-х гг. он описывает сближения и разногласия, вспоминает о совместных заседаниях, констатирует отчуждение серапионов друг от друга, размышляет о причинах распада группы. С конца 1929 г. по инициативе Федина возникает попытка возрождения серапионов на базе «Издательства писателей в Ленинграде», история которого, вплоть до закрытия «Издательства» в 1934 г., вписывается автором диссертации в историко-литературный контекст времени, когда, как постоянно подчеркивал писатель, начинается новый этап взаимоотношений между властью и литераторами. Столь же подробно, в широком контексте эпохи, представлена Фединым в дневнике ситуация, сложившаяся в ЛО ВСП: переизбрание правления, чистка, подготовка к Первой Всероссийской конференции советских писателей.

В период с конца 1940-х по 1960-е гг., по наблюдениям Григорьевой, тема серапионов в дневниках занимает скромное положение. На первый план в записях этого времени выходят отдельные писатели, объединенные общим «братским» прошлым: Н. С. Тихонов, И. А. Груздев, Н. Н. Никитин, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, М. Л. Слонимский, Е. Г. Полонская. С каждым из них связан свой «сквозной сюжет», которые и рассматривает Федина. На материале этих сюжетов соискатель подтверждает особенность серапионовской дружбы, отмеченную Фединым в дневнике: серапионов, по мнению писателя, связывала «дружба литературная», а «сердечная дружба» «приятни» росли на другой почве, в стороне от «единомышленников» (запись от 6 марта 1945 г.).

В третьей главе «Участники группы “Серапионовы братья” в эпистолярном наследии К.А. Федина» анализируется переписка со всеми членами содружества. В рассматриваемых письмах соискатель выделяет фактологический материал, позволяющий исследователям получить более подробную картину литературной жизни на протяжении более пятидесяти лет. Следует отметить, например, обнаруженный Григорьевой комментарий писателя к машинописным копиям писем Горького, которые Федина готовил для передачи в Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, касающийся возникновения названия «Серапионовы братья». Мемуаристы (Слонимский, Н.К. Чуковский, Полонская) отмечают случайность выбора, объясняя его тем, что одноименная книга Э.Т.А. Гофмана лежала на столе в комнате

Слонимского в Доме искусств, где впервые собрались молодые писатели. Однако в указанном комментарии Фебина речь идет о выборе названия группы по аналогии с «серапионами» 30-х годов XIX века – молодыми петербургскими литераторами, почитателями Гофмана, устраивавшими литературные вечера, где они читали друг другу свои сочинения.

Сопоставляя письма Фебина к Лунцу, Иванову, Слонимскому, Никитину, Познеру, соискатель выявляет особую интонацию, стиль изложения и тематику, присущую письмам, адресованным тому или иному корреспонденту. Так, письма Лунцу развернуты, информативно насыщены, ироничны, а, например, письма Слонимскому, особенно 1920-х гг., носят преимущественно деловой характер. На материале дневниковых записей и писем Слонимскому и Никитину, где дается оценка роману последнего «Шпион» (1929), Григорьева сравнивает авторскую интенцию в разных по жанровым особенностям эго-документах, делая выводы о различии оценок одного и того же произведения, данных наедине с самим собой и адресованных «брату».

Анализируя эпистолярные источники, соискатель подчеркивает, насколько важной для Фебина становится тема сохранения истории и традиций «Серапионовых братьев», начиная от памяти о серапионовских годовщинах со дня основания – 1 февраля 1921 г. Соискатель подробно разбирает нашедшую отражение в эпистолярной Фебина ситуацию с программной статьей Лунца «Почему мы Серапионовы братья», подчеркивая, что до момента публикации в 1922 г. серапионы не знали о ее содержании. В письмах разным корреспондентам Фебин неоднократно указывает на значимость той роли, которую группа сыграла в истории литературы. Размышления о роли и месте серапионов в литературном процессе появляются и в письмах Фебина, которые адресованы авторам исследовательских работ, посвященных литературе 1920-х годов, например, К. Д. Муратовой, автору книги «Горький в борьбе за развитие советской литературы» (1958).

Обращение к эпистолярным источникам позволяет автору диссертации максимально достоверно восстановить отношение Фебина к окончательному разрыву когда-то единых серапионов, который произошел в 1968 г. и был вызван открытым письмом Каверина, обвинявшего «брата» в участии в травле Б.Л. Пастернака, в прекращении издания журнала «Литературная Москва» и других проступках. М.В. Григорьева впервые рассматривает хранящийся в фондах Музея К.А. Фебина экземпляр письма Каверина с

пометами Федина и блокнот с черновыми набросками к задуманному ответному письму.

Четвертая глава «**Книга К. А. Федина “Горький среди нас” в контексте источниковедения**» посвящена изучению авторского сознания Федина-мемуариста – автора книги К. А. Федина «Горький среди нас», ставшей первой книгой воспоминаний, на страницах которых возникает образ группы «Серапионовы братья».

В данной главе соискатель сосредоточивает свое внимание на особенностях авторского представления содружества «Серапионовы братья», характерных для мемуарной литературы. Первая часть главы повествует о творческой истории книги «Горький среди нас», истории публикации первой книги в 1943 г. и запрещении печатать вторую книгу, которая вышла в 1944 г. без подписи редактора, а также об оценках критиков. На протяжении всей главы диссертант анализирует редакторскую правку воспоминаний Федина, обращая внимание на исключенные фрагменты (например, о Зощенко во второй книге) и анализируя их.

Автор диссертации выделяет несколько сюжетов книги мемуаров Федина, связанных с серапионами, на примере которых убедительно показывает, как писатель находит баланс между фактологической достоверностью и художественным описанием. Реально группа, как полноценное литературное объединение, существовала с 1921 по 1924 гг., однако, цитируя мемуары: «Конечно, нужны были бы незаурядная дисциплина и ангельские характеры, чтобы на протяжении многих лет выдерживать эти сидения в банке консервированного табачного перегара, если бы не страсть к литературе...» – Григорьева обращает внимание на словосочетание «на протяжении многих лет», объясняя его сознательным выбором Федина, стремившегося подчеркнуть то, что серапионы осознавали себя уже сложившимся литературным объединением, которому уготована долгая жизнь. Сходную мысль диссертант находит в мемуарах Е. Полонской.

Сопоставляя воспоминания о «Серапионовых братьях» Слонимского, Каверина, Полонской, диссертант делает убедительные выводы, касающиеся своеобразия выражения авторского сознания в мемуарах Федина, отмечая, например, что он практически не описывает быта молодых писателей, сосредоточивая свой взгляд на идейных установках группы и творческих дискуссиях; не пересказывает событий и разговоров, а стремится их проанализировать в контексте литературного процесса эпохи.

В заключении подведены итоги работы и намечены возможные перспективы исследования.

Таким образом, в диссертации Марии Валерьевны Григорьевой с точки зрения избранной соискателем темы – группа «Серрапионовы братья» – проанализировано выражение авторского сознания в разных жанрах эго-документов К.А. Федина: дневниках, письмах, мемуарах, – показана специфика каждого жанра в отношении создания целостной картины бытия группы в литературном процессе XX в. Избранный диссертантом подход к эго-документам писателя позволил достаточно полно и достоверно реконструировать картину появления и бытования группы, заполнить фактологические лакуны в ее истории, определить отношение Федина к событиям и явлениям, связанным с серрапионами, воссоздать своеобразие его взаимоотношений с отдельными «братьями». Выводы диссертанта обоснованы и доказательны.

Вместе с тем, хотелось бы высказать несколько пожеланий автору работы.

- Несмотря на то, что соискатель ставит перед собой конкретную цель – «изучение авторского сознания, реализованного в широком круге эго-документов К. А. Федина» и стремится только «определить место “Серрапионовых братьев” в личной и творческой биографии писателя» (с. 10–11), в диссертации все же ставится задача осмысления значения серрапионов в истории русской литературы XX в. (с. 3–4). На достижение объективного знания нацелена и практическая значимость работы, которая «обусловлена возможностью использования полученных результатов <...> для более объективного представления истории содружества...» (с. 12). Между тем, цитируя статью Л.Ю. Коноваловой «Возрождение серрапионова братства...: На материале эго-документов К.А. Федина 1929–1931 гг.» из подготовленного музеем юбилейного сборника 1921 г., где утверждается, что только Лунц в чистом виде воспринял идеи «быть свободным от неприятия точки зрения другого брата, его эстетического кредо», а также свободным «от политических и идеологических установок и требований своего времени», автор диссертации, соглашаясь, пишет: «...для всех остальных серрапионов отношения внутри группы очень скоро переросли просто в дружеские» и далее приводит в качестве доказательства слова Федина, дописанные им на письме Л.Б. Харитон Лунцу от 6 декабря 1923 года: «Дорогой Левочка<...> Ты прекрасный, один и единственный Серрапион! Все остальные – суррогат»» (с. 103– 04). Но одно дело – оценка Фединым роли

Лунца в содружестве, другое – объективное представление о месте в нем и Лунца, и Федина. Всем ходом своей работы, приведенным в ней фактическим материалом М.В. Григорьева показывает другое: серапионовские идеи и традиции, саму группу как целое стремился сохранить именно Федина, ставший ее историком и летописцем, и этот момент, на наш взгляд, должен быть отражен в выводах диссертации.

- Работа была бы более структурирована, а выводы и отдельные положения соискателя прочитывались бы яснее, если бы, помимо деления на главы, внутри них вычленились бы отдельные параграфы. Так, в главе первой «Эго-документы как предмет литературоведческого исследования» не только подробно «анализируется история возникновения термина “эго-документы” и закрепления этого неологизма в современной гуманитарной науке» (с. 17–39), но и показано отношение Федина к эго-документам других авторов» (с. 39–42). Последняя часть главы, очевидно, требует отдельного параграфа, хотя и в основной части ее, включающей 22 страницы, четко прослеживаются самостоятельные параграфы, посвященные эго-документам в целом и их жанрам (в работе названы также видами и типами): дневнику, эпистолярию и мемуарам.

Можно сделать и ряд конкретных замечаний:

1. Недостаточно прописана во Введении степень разработанности проблемы. В отличие от широко представленной истории понятия «эго-документы», работ, касающихся группы «Серапионовы братья», названо крайне мало (статьи М.В. Минокина, В.П. Муромского, В.В. Перхина 1970–1990-х гг.). Конференции музея Федина 2011 и 2021 гг., посвященные юбилейным датам образования группы, где рассматривались, в числе прочего, и эго-документы серапионов, лишь названы, как и имена авторов статей в юбилейных сборниках. Между тем на этих конференциях ставились проблемы и делались выводы, которые могли бы уточнить концепцию диссертанта. Назовем, например, крайне важную статью И.Э. Кабановой «Константин Федина в кругу серапионов» в сборнике 2011 г., автор которой отмечает: «Интенсивная переписка Федина 1920-х гг. со Слонимским, Ивановым, Лунцем, Никитиным, Груздевым, Познером (опубликованная лишь частично), свидетельствует о том, что он был одной из центральных фигур сообщества. Это стало еще очевиднее в отсутствие Лунца» (с. 55). Такой вывод автор статьи делает еще до выхода большого корпуса эпистолярия Федина в 2016 и 2018 гг. Для понимания роли группы в литературном процессе 1920-х гг. важна глава «Идеология или сюжет?

(Серрапионы-критики в литературно-политической борьбе первого периода нэпа)» в книге Н.В. Корниенко «“Нэповская оттепель”: Становление института советской литературной критики» (2010), где утверждения серрапионов, например о свободе от идеологии, рассмотрены в широком историко-литературном контексте 1920-х гг., что позволяет автору сделать вывод: «На фоне тотальной идеологичности русской литературы в изгнании и острой политической борьбы 1922 г. вокруг русской религиозной философии (и Церкви) выступления Серрапионов, при их внешней оппозиционности, таковыми не являлись...» (с. 76).

2. Не указаны методы исследования материала. Говоря о методологии своей работы, М.В. Григорьева называет теоретические работы Л.Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, А. А. Зализняк, Т. М. Колядич, П.В. Палиевского, Н.В. Суржиковой, М.Н. Тихомирова, М.О. Чудаковой, добавляя, что «на практике методологические основы работы с документальными источниками, учитывающие академические стандарты публикации и комментирования архивных материалов, были сформированы под влиянием группы исследователей, руководимых Н.В. Корниенко (ИМЛИ)» (с. 12). Следует уточнить, что это за «группа исследователей».

Высказанные замечания носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования.

Полученные соискателем результаты имеют научную и практическую значимость и могут быть использованы при написании учебных пособий по истории литературы XX в., при подготовке лекционных курсов и спецкурсов. Положения, представленные к защите, обоснованы и доказаны в процессе анализа текстового материала

Результаты исследования были апробированы на международных научных конференциях, изложены в пяти статьях, из которых три опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Автореферат полностью отражает содержание диссертационного исследования.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что диссертация Григорьевой Марии Валерьевны на тему «Серрапионовы братья в эго-документах К.А. Федина: Проблема выражения авторского сознания», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, удовлетворяет требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства

Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Отзыв составлен Папковой Еленой Алексеевной – доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, протокол № 2 от 20 февраля 2025 года.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

Staf
Гачева Анастасия Георгиевна,
доктор филологических наук,
заведующий отделом
новейшей русской литературы и
литературы русского зарубежья
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук.

Контактная информация:

Полное наименование организации в соответствии с Уставом:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Сокращенное наименование организации в соответствии с Уставом:
ИМЛИ РАН

Почтовый адрес: 121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1

Телефон: +7 (495) 690-50-30

Адрес электронной почты: info@imli.ru

Адрес официального сайта сети Интернет: <https://imli.ru/>

С научными публикациями сотрудников отдела новейшей русской литературы и
литературы русского зарубежья можно ознакомиться на следующих сайтах в сети Интернет:
<https://imli.ru/nauchnye-otdely/otdel-novejshej-russkoj-literatury-i-literatury-russkogo-zarubezhya>